

Су Дун постоял немного, думая, что ему нечего бояться. Если Ду Цинчэнь выйдет и увидит его стоящим, а рядом сидящую женщину, он может подумать, что его обидели. Если он объяснит, что встал сам, Ду Цинчэнь наверняка вздохнёт, считая его робким и слабым, ведь никто его не трогал.

Подумав об этом, Су Дун глубоко вздохнул, сделал вид, что женщины нет, и снова сел, держа одежду. Женщина холодно взглянула на него, но Су Дун сделал вид, что не заметил.

Служанка смотрела на Су Дуна с неодобрением. Просто гер, судя по одежде, крестьянин, осмелился сидеть так близко к её госпоже, словно её не существует, и даже не смотрел в её сторону.

— Молодой человек, не могли бы вы встать? — вежливо, но без искренности, улыбнулась служанка. — Моей госпоже в последнее время тяжело дышать, ей не нравится, когда кто-то сидит так близко.

Су Дун, который сел, собрав всю свою смелость, тут же встал, но затем понял, что его просто выгоняют. Какая одышка? Это просто отговорка! Если ей действительно плохо, зачем ей гулять и покупать одежду? В этом тесном магазине действительно можно почувствовать одышку!

Лицо Су Дуна покраснело. Ему хотелось ответить, но, глядя на одежду женщины, он понял, что она явно из богатой семьи. Он не привык спорить, да и разница в статусе была слишком велика, поэтому он не смог ничего сказать.

Женщина лишь подняла вышитый платок, слегка коснулась губ и ничего не сказала, даже не взглянув на Су Дуна, словно он не заслуживал её внимания.

В этот момент вышел Ду Цинчэнь, уже в новой одежде, и услышал слова служанки. Он окинул взглядом сидящую женщину. Она была красива, с причёской замужней дамы, но служанка называла её «молодой госпожой». К тому же, её тонкое платье подчёркивало фигуру.

Законная жена должна быть скромной и сдержанной, и на улице служанки не называют её «молодой госпожой», а «госпожой» — это символ статуса. Если она замужняя, но одевается так кокетливо, и её называют «молодой госпожой», то, скорее всего, это наложница из богатой семьи.

Наложница не считается женой, поэтому её не называют «госпожой». В доме её могут называть «тётёй», но на улице большинство наложниц предпочитают, чтобы их называли «девушками», чтобы подчеркнуть свой статус, показывая, что они из знатной семьи, а не просто игрушки мужчин. Некоторые наложницы даже в доме называют себя «девушками», так что это не нарушает правил.

Ду Цинчэнь усмехнулся и большими шагами подошёл к женщине, встав перед Су Дуном, и сложил руки в приветствии:

— Эта... не знаю, как к вам обращаться, наложница. Если вам нездоровится, нужно обратиться к врачу. Не стоит терпеть, иначе лёгкая болезнь может стать серьёзной. Сейчас холодно, лучше оставаться дома и одеваться теплее, чтобы сохранить здоровье.

Женщина холодно взглянула на Ду Цинчэня. Его слова казались безобидными, но каждое из них было уколом.

Сначала он назвал её наложницей, подчеркнув её низкий статус, затем, следуя словам

служанки, пожелал ей здоровья, чтобы она не заболела, и посоветовал оставаться дома, насмехаясь над её лёгкой одеждой, которую она носила, чтобы угодить своему мужу.

Женщина нахмурилась, а служанка, поняв намёк, громко крикнула:

— Как вы смеете! Моя госпожа из резиденции Фэн, а наш господин — уездный начальник. Как вы осмелились быть столь наглым!

Ду Цинчэнь слегка удивился:

— Я видел уездного начальника Фэн и знаю, что у него есть наложницы. Кто же эта дама? — спокойно спросил он, намеренно опуская причину, по которой он видел Фэн, чтобы создать впечатление, что он знаком с ним и даже знает о его наложницах.

Женщина слегка напряглась, а служанка замолчала, не решаясь что-то сказать, лишь с подозрением разглядывая Ду Цинчэня. Он не был из местных богачей, его одежда и лицо не были знакомы.

Женщина встала и поклонилась:

— Служанка была груба, прошу прощения. Могу я узнать, кто вы? Возможно, я слышала о вас от моего господина? — Она намекала, что если Ду Цинчэнь врёт, она это узнает.

Ду Цинчэнь улыбнулся:

— Я Ду Цинчэнь.

Он не стал ничего объяснять, держался уверенно, так как знал, что уездный начальник Фэн не стал бы рассказывать наложнице о всех своих знакомых, даже если она была его любимицей. Чем увереннее он был, тем больше она сомневалась.

Кроме того, как наложница, она вряд ли станет жаловаться мужу на молодого мужчину, с которым поссорилась на улице. Да и что он сказал такого? Ду Цинчэнь был спокоен.

Но женщина, похоже, слышала его имя, слегка напряглась и с удивлением подняла голову:

— О, так это хозяин Ду! Я много о вас слышала, но никогда не видела. Очень пренебрежительно с моей стороны. — Её тон стал мягче, и она перестала обращать внимание на свою потерю лица.

Ду Цинчэнь на мгновение замер. Он не верил, что Фэн действительно рассказывал о нём наложнице, но то, что она сразу назвала его по статусу, навело на мысли. Наложница Фэн, знающая его, скорее всего, была из...

— Девушка, вас зовут Цю?

Услышав, что он назвал её «девушкой», женщина слегка повеселела и почтительно кивнула:

— Семья Цю в городке — это моя родня. Мой дядя упоминал о вас, хозяин Ду, говоря, что вы молодой и многообещающий. Теперь я вижу, что слава о вас не преувеличена.

Ду Цинчэнь слабо улыбнулся, не выражая ни согласия, ни несогласия:

— Не ожидал, что семья Цю так высоко меня ценит. Это лестно.

Наложница Цю, почувствовав, что Ду Цинчэнь недоволен её семьёй, хотела что-то объяснить, но он уже повернулся к Су Дуну:

— Давай возьмём то, что на мне. Больше не будем выбирать.

Су Дун кивнул, и Ду Цинчэнь пошёл переодеваться.

Наложница Цю, думая, что он рассердился из-за их ссоры с Су Дуном, тут же обернулась к служанке Сятао:

— Ты ещё не извинилась перед этим господином! Ты привыкла быть дерзкой в доме, но на улице так нельзя. Как я теперь буду тебя с собой брать? — Она прижала платок к уголку глаза, делая вид, что расстроена.

Сятао тут же поклонилась:

— Прошу прощения, господин. Не обращайтесь внимания на грубость такой глупой служанки. Хозяин Ду, не сердитесь. Это всё моя вина.

Они так униженно извинялись, что Ду Цинчэнь не мог продолжать настаивать. Он посмотрел на Су Дуна, и тот улыбнулся, показывая, что не обиделся. Ду Цинчэнь успокоился:

— Это мелочь, девушка, не стоит беспокоиться.

Услышав, что Ду Цинчэнь смягчился, наложница Цю облегчённо вздохнула. Когда он вышел в своей одежде, чтобы расплатиться, она заметила конфуцианскую одежду и парчовый халат. Любопытство взяло верх, и она спросила. Ду Цинчэнь объяснил:

— Это для моего младшего брата. Недавно он сдал экзамен на туншэна и занял первое место. Я подумал, что теперь он человек с рангом, и нельзя, как раньше, одеваться как попало. Купил ему новую одежду, чтобы он мог ходить на учёбу, сдавать экзамены и участвовать в литературных собраниях, не теряя лица.

Наложница Цю почувствовала сложные эмоции, но не смогла ничего сказать.

Ду Цинчэнь заплатил почти один лян серебра за всю одежду, что заставило наложницу Цю сжать платок в руках. Даже она, с её доходами от семьи и жалованьем, редко тратила столько, а Ду Цинчэнь, простой человек, легко потратил один лян.

<http://bllate.org/book/16444/1491268>